

ИДЕИ А. А. ПОТЕБНИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ (вербоцентрическая концепция предложения)¹

В статье рассматриваются новаторские для своего времени идеи А. А. Потебни о том, что глагол является центральным элементом предложения, которому подчинены все остальные элементы. Именно эти идеи легли в основу вербоцентрической концепции предложения, которая также анализируется в статье. Кроме того, проводится сопоставительный анализ вербоцентрической концепции и дополняющей ее так называемой «грамматики конструкций».

Ключевые слова: глагол, предложение, грамматика, актант, сирконстант

Когда читаешь «Из записок по русской грамматике» — это уникальное в полном смысле слова сочинение А. А. Потебни, особенно его первую вводную главу, которая впервые была опубликована в журнале «Филологические записки» (1875, № 4), то невольно в голову приходит мысль о том, насколько точно название этой работы отражает ее содержание. Эта книга была задумана автором как своего рода критический комментарий к вышедшей в 1858 году книге Ф. И. Буслаева «Опыт исторической грамматики русского языка». По сути своей это записки, которые были сделаны при чтении и по следам чтения книги Ф. И. Буслаева. А. А. Потебня не ставил своей целью предложить читателю целостную грамматическую концепцию. Он хотел лишь высказать свои критические замечания касательно многих проблем русской грамматики, затронутых в книге Ф. И. Буслаева, которая подводила итог развитию лингвистической мысли в России в первой половине XIX века и к которой А. А. Потебня в целом относился положительно. Другое дело, что мысли А. А. Потебни относительно устройства грамматической системы, ее исторического развития и ее функционирования имеют непреходящую ценность и послужили (осознано или неосознанно) базой для формулирования ряда последующих грамматических концепций.

Когда мы в начале XXI века оцениваем вклад А. А. Потебни в развитие лингвистической мысли в России, естественно, нужно учитывать, что то, что было новым словом в конце XIX века, в настоящее время воспринимается как вещь сама собой разумеющаяся. Скажем, сейчас вряд ли кто-нибудь будет утверждать, что грамматика и логика пользуются близкими или даже одинаковыми основными понятиями, однако такой взгляд был господствующим в русском языкознании первой половины XIX века. А. А. Потебня резко выступил против этого постулата. Прежде всего ученый обращает внимание на то обстоятельство, что у логики и у грамматики различные предметы исследования. Он подчеркивает, что «для логики словесное выражение примеров ее построения без-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ. Проект № 14-18-03406.

различно», тогда как грамматику интересует именно это и ничто другое. А. А. Потебня выступает против обычной практики отождествления слова и понятия, предложения и суждения: «Слово не одним присутствием звуковой формы, но всем своим содержанием отлично от понятия и не может быть его эквивалентом или выражением уже потому, что в ходе развития мысли предшествует понятию»². И далее: «Грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением»³. «Грамматических категорий, — по мысли А. А. Потебни, — несравненно больше, чем логических»⁴. Это прежде всего относится к категориям членов предложения: «Категории предмета и его признака не нужны для логики, для которой и то и другое — только понятия, совокупности признаков. Тем менее возможно вывести из логического суждения прочие члены предложения: определение, обстоятельство, дополнение»⁵. А. А. Потебня развивает высказанную уже В. И. Классовским идею о том, что в предложении может быть высказана мысль, которая не является логичной⁶.

Наконец, А. А. Потебня обращает внимание на то, что у логики и грамматики не только различные предметы исследования, но и, естественно, различные задачи исследования. Логика изучает законы правильного мышления, отвечает на вопрос, не противоречива ли мысль, тогда как языкознание, будучи в отличие от логики не гипотетической, а исторической наукой, «рассматривает процесс сказывания»⁷.

Подчеркивая независимость грамматики от логики, А. А. Потебня, естественно, не принимает определение предложения как суждения, выраженного в словесной форме. Более того, он «скептически относился к возможности абстрактного, логически безукоризненного, годного для всех времен и языков, определения предложения»⁸. Понимая язык как творческую деятельность и исходя из непрерывного изменения языка во времени, А. А. Потебня считал, что определения языка и предложения должны меняться с течением времени. В развитии предложения А. А. Потебня усматривал две стадии: древнюю, на которой предложение было по преимуществу именным, и современную, на которой предложение является по преимуществу глагольным. Предложения на разных стадиях своего развития должны, как подчеркивает ученый, иметь различные определения. Специфику предложения как лингвистической единицы А. А. Потебня не связывал с планом содержания, поскольку предложение может выражать несколько мыслительных (логических) единиц. В связи с этим он отмечает,

² Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — М., 1958. — Т. 1–2. — С. 68.

³ Там же. — С. 68.

⁴ Там же. — С. 69.

⁵ Там же.

⁶ Так, в своей работе «Русская грамматика» Классовский пишет: «В отношении грамматическом (выделено нами. — В. Х.) предложение обязано удовлетворять только правилам синтаксиса, т. е. состоять из слов, надлежащим образом оканчивающихся и размещенных как следует» (Классовский В. И. Русская грамматика. — СПб., 1856. — С. 238). В доказательство своей мысли ученый рассматривает предложение *Люди летают на собственных крыльях*, которое, по его мнению, с грамматической точки зрения является вполне правильным, хотя и не выражает суждения. В этом высказывании как будто бы впервые в русском языкознании XIX в. проводится мысль о том, что предложение должно характеризоваться не с логической, а с грамматической точки зрения. В связи со сказанным вспоминается полемика, возникшая в 50-х годах прошлого столетия по вопросу, считать или не считать грамматичным сконструированное Н. Хомским предложение *Colorless green ideas sleep furiously* «Бесцветные зеленые идеи яростно спят», которое с логической точки зрения не отличается от предложения *Люди летают на собственных крыльях*.

⁷ Потебня А. А. Ук. соч. — С. 70.

⁸ Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. — М., 1978. — С. 99.

что «простое предложение может соответствовать более чем одному логическому суждению»⁹. Как он подчеркивает и что является сутью его лингвистической концепции: «Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи; если их нет, то нет и нашего предложения»¹⁰.

Развивая свою мысль дальше, А. А. Потебня дает следующее определение предложения: «Главное (независимое от другого) предложение невозможно (кроме случаев опущения глагола) без *verbum finitum* (т. е. глагола в тесном смысле, без причисления к нему причастных форм); что само по себе *vb. finitum* составляет предложение, напр. *будет* (с предполагаемым как определенным, так и неопределенным субъектом). Поэтому, определивши такой глагол, тем самым определим *minimum* того, что должно заключаться в предложении этих языков»¹¹.

Итак, в соответствии с этим определением финитный (=спрягаемый) глагол (с предполагаемым субъектом) составляет минимальное предложение. Что касается «максимального» предложения, то здесь высказывания А. А. Потебни не вполне определены. По его словам, «*maximum* определения предложения ... данного момента языка (с оговоркою “сколько нам известно”) было бы синтезом синтаксиса этого языка»¹². Думается все же, что А. А. Потебня под предложением понимал финитный глагол и все непосредственно или опосредованно связанные с ним слова. Такой подход к определению предложения в принципе можно было бы называть формально-синтаксическим.

В вопросе о количестве и качестве членов предложения А. А. Потебня придерживается ранее существующих воззрений и выделяет сказуемое, подлежащее, дополнение, обстоятельство и определение (=грамматический атрибут). Приложение (*appositio*) для него не самостоятельный член предложения. Оно вместе с собственно определением (*attributum*) составляет разновидности определения. Следует заметить, что приложение А. А. Потебня трактовал достаточно широко. Подчеркивая, что приложение более самостоятельно и более предикативно по сравнению с собственно определением, А. А. Потебня относит к приложению не только существительное (*Петр, царь-преобразователь*), но и обособленное причастие и прилагательное (*письмо, написанное вчера; N, жадный к деньгам*). А. А. Потебня вводит понятие второстепенного зависимого сказуемого, которое всегда выражается неопределенным наклонением (=инфинитивом). Таким образом, у А. А. Потебни, в отличие от Ф. И. Буслаева, неопределенное наклонение не может выполнять функцию дополнения. На этом основании конструкцию «хочу знания» А. А. Потебня интерпретирует в терминах членов предложения как «сказуемое + дополнение», тогда как конструкцию «хочу знать» он интерпретирует как «особое составное сказуемое».

На принципиально новых позициях А. А. Потебня стоит в вопросе о классификации членов предложения. Как мы знаем, до А. А. Потебни были в ходу две классификации членов предложения. Одна, господствующая, в которой члены предложения определяются по значению, и другая, предложенная Ф. И. Буслаевым, в которой второстепенные (не главные) члены предложения определяются по формальным связям с главными членами предложения. Классификацию по значению в том виде, как она использовалась ранее, А. А. Потебня отвергает. Критикуя, в частности, то определение подлежащего, которое приня-

⁹ Потебня А. А. Ук. соч.— С. 69.

¹⁰ Там же.— С. 71.

¹¹ Там же.— С. 84.

¹² Там же.

то в этой концепции, А. А. Потебня пишет, что оно просто не верно, поскольку «вообще всякая знаменательная часть речи может быть, смотря по контексту, предметом, о котором говорится в предложении»¹³.

А. А. Потебня был первым, кто резко ополчился против вопросной процедуры, которая сопутствует семантической классификации членов предложения. Он, в частности, пишет: «Дурно только то, что, занимаясь этими ответами, мы думаем, будто различаем второстепенные члены предложения между собою: мы не отличаем их даже от главных»¹⁴.

Более снисходителен А. А. Потебня к Буслаевской концепции: она синтаксична и поэтому представляет определенную ценность, однако обе классификации не эффективны, поскольку не учитывают форму слов (=частей речи), выполняющих функции членов предложения. Таким образом, А. А. Потебня считает, что классификация членов предложения должна исходить из форм слов (=частей речи), которые выступают в роли членов предложения. Реализуя свои принципы, А. А. Потебня дает следующее определение членов предложения: «Как личный глагол есть тем самым сказуемое или предикативная связка, как имя в прямом падеже, не согласуемое с другим, есть подлежащее, имя в косвенном падеже, не согласуемое с другим, есть дополнение, а согласуемое имя в любом падеже есть определение или часть сказуемого: так и обстоятельству присвоена особая форма, наречие»¹⁵. Внимательное чтение этого определения показывает, что фактически оно строится с учетом двух классификационных признаков: одного основного (часть речи или форма части речи), который участвует в классификации всех выделяемых членов предложения, и другого, вспомогательного (согласуемое/несогласуемое имя), участвующего в классификации подлежащего, дополнения и определения.

Таким образом, если до А. А. Потебни члены предложения определялись по значению, а формы членов предложения и их формальные связи указывались в комментариях к определениям, то теперь ситуация в корне меняется. Члены предложения определяются по формам слов и формальным связям, а их семантическая интерпретация дается в комментариях к определениям. Рассмотрим эти комментарии. Так, глагол-сказуемое простого или главного предложения изображает признак «во время его возникновения от действующего лица», а подлежащее — это «вещественное указание на непосредственного производителя признака, означаемого сказуемым»¹⁶. Итак, для А. А. Потебни сказуемое — признак, а подлежащее — действующее лицо или производитель признака, тогда как до А. А. Потебни подлежащее — это предмет (или название) предмета, а сказуемое — это бытие, действие или сущность предмета¹⁷.

Такая семантическая интерпретация подлежащего доставляет А. А. Потебне много хлопот при синтаксическом анализе страдательного предложения, в котором, как он утверждает, «настоящим действователем», «первым, единственным субъектом» является имя в именительном падеже, т. е. подлежащее. Чувствуя шаткость своей позиции, А. А. Потебня делает существенную оговорку: «Конечно, такая самостоятельность субъекта страдательного сказуемого фиктивна,

¹³ Там же.— С. 73. Представляется, что в этом утверждении А. А. Потебня уже достаточно близок к различению грамматического и актуального членения предложения.

¹⁴ Там же.— С. 78.

¹⁵ Там же.— С. 124.

¹⁶ Там же.— С. 100.

¹⁷ См., например: Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка.— СПб., 1852.— С. 278, 288.

но она действительна в грамматическом смысле, как способ изображения»¹⁸. В итоге, для того чтобы последовательно провести свою точку зрения о том, что имя в именительном падеже всегда подлежащее и производитель признака, А. А. Потебне приходится утверждать, что термин «производитель признака» (=действующий субъект) используется в особом грамматическом смысле, отличающемся от общепринятого его понимания.

Определение, или «грамматический атрибут, ... — говорил А. А. Потебня, — есть название признака, представляемого данным в субстанции, обозначенной другим словом»¹⁹. Эта интерпретация, как нам кажется, не принципиально отличается от интерпретации определения, которая была принята до А. А. Потебни. Ср., например, следующую трактовку: «Слова, выражающие признаки подлежащего или дополнения, называются определительными»²⁰.

Отрицая в принципе существование несогласованных определений, А. А. Потебня считает, что в примерах типа *сын отца, цветы такой цены и красоты* как грамматический объект следует рассматривать «косвенные падежи, с грамматической точки означающие предметы, мыслимые не в другом предмете, а вне его, хотя независимо от своего словесного выражения могут быть мыслимы не как субстанции, а как атрибуты»²¹.

Дополнение, или грамматический объект, с точки зрения А. А. Потебни, «означает предмет внешний по отношению к субъекту и другим объектам предложения»²². В этой интерпретации дополнения, в соответствии с которой к дополнениям относятся «обозначения места, времени, образа действия, причины, представляемые грамматическими предметами»²³, А. А. Потебня очень близок к принятым трактовкам дополнения. Он сам подчеркивает это, говоря, что вполне приемлемым является данное А. Х. Востоковым определение дополнения как другого предмета.

«Под обстоятельством, или наречием, разумею признак (стало быть, знаменательную часть речи), связуемый с другим признаком, данным или возникающим, и лишь чрез его посредство относимый к предмету (субъекту, объекту), а сам по себе не имеющий с ним никакой связи»²⁴. В данной интерпретации обстоятельства А. А. Потебня отходит от традиции, что в немалой степени вызвано узкоформальным определением обстоятельства (обстоятельство-наречие), в силу чего формы косвенных падежей имени, обозначающие место, время, образ действия, причину, обычно относимые к обстоятельствам, по формальным соображениям (не наречие!) перешли в разряд дополнений.

Таким образом, можно утверждать, что А. А. Потебня более традиционен в интерпретации определения и дополнения и в значительной степени порывает с традицией в интерпретации сказуемого, подлежащего и особенно обстоятельства²⁵.

Что касается проблемы иерархии членов предложения, то в этом вопросе А. А. Потебня придерживается установившейся точки зрения. Он принимает деление членов предложения на главные (подлежащее и сказуемое) и второсте-

¹⁸ Потебня А. А. Ук. соч. — С. 100.

¹⁹ Там же. — С. 105.

²⁰ Давыдов И. И. Ук. соч. — С. 316.

²¹ Потебня А. А. Ук. соч. — С. 107.

²² Там же. — С. 120.

²³ Там же.

²⁴ Там же. — С. 124.

²⁵ Изменение интерпретации сказуемого и подлежащего в значительной степени объясняется тем, что А. А. Потебня первым в русском языкознании отказался от рассмотрения логического членения предложения.

пенные (определение, дополнение и обстоятельство). Однако он считает, что среди главных членов предложения ведущим является глагольное сказуемое, которое необходимо и достаточно для существования предложения. Он так и пишет: «Наиболее самостоятельный член предложения есть сказуемое, которое одно может обойтись без всех прочих членов»²⁶. Если при этом вспомнить, о чем мы уже говорили, что, по словам А. А. Потебни, «главное (независимое от другого) предложение невозможно (кроме случаев опущения глагола) без *verbum finitum* (т. е. глагола в тесном смысле, без причисления к нему причастных форм); что само по себе *vb. finitum* составляет предложение»²⁷, то фактически в этих высказываниях изложен основной постулат вербоцентрической концепции предложения, ставшей одним из основных инструментов анализа предложения в XX веке, и широко используемой и в наше время.

Первый камень в основание этой концепции заложил современник А. А. Потебни А. А. Дмитриевский, чье творчество в течение долгого времени оставалось сравнительно малоизвестным²⁸. Он высказал ряд новаторских идей относительно синтаксического строения предложения, из которых отдельные не утратили актуальности и в наши дни. Его основная работа — статья «Практические заметки о русском синтаксисе» (1877–1878). Ему, в частности, принадлежит образная динамичная характеристика предложения, в соответствии с которой «предложение есть драма, представление мысли посредством слова, которое является как бы актером того действия, которое есть мысль»²⁹. «Предметы-дополнения — действующие лица сцены; обстоятельства — сама сцена, а предложение — драма мысли»³⁰. Очень любопытно, что похожую характеристику предложения спустя почти столетие дает Л. Теньер в своем «Структурном синтаксисе», где фактически была сформулирована вербоцентрическая концепция предложения³¹. В этой книге Л. Теньер пишет буквально следующее: «Глагольный узел, который является центром предложения в большинстве европейских языков, ... выражает своего рода маленькую драму. Действительно, как в какой-нибудь драме, в нем обязательно имеется действие, а также чаще всего также действующие лица и обстоятельства. Если перейти от плана драматической реальности к плану структурного синтаксиса, то действия, актеры и обстоятельства становятся соответственно глаголом, актантами и сирконстантами»³².

А. А. Дмитриевскому принадлежат следующие три утверждения касательно иерархии членов предложения, которые по существу являются базовыми для вербоцентрической концепции предложения.

Первое существенное утверждение его в этой области состоит в том, что в предложении не два главных члена: сказуемое и подлежащее, а только один — сказуемое. Что касается подлежащего, то оно, по сути, является одним из допол-

²⁶ Потебня А. А. Ук. соч.— С. 109.

²⁷ Там же.— С. 84.

²⁸ См. о нем: Александров Н. М. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена.— Ленинград, 1963.— Т. 236.— 391 с.; Холодович А. А. К вопросу о доминанте предложения.— Ленинград, 1979.— С. 293–298; Храковский В. С. Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании // Вопр. языкознания.— 1983.— № 3.— С. 110–117.

²⁹ Дмитриевский А. А. Практические заметки о русском синтаксисе // Филол. зап.— 1877.— Вып. 3.— С. 12.

³⁰ Там же.— 1878.— Вып. 4.— С. 76.

³¹ Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*.— Paris, 1959.— 697 p.; Теньер Л. Основы структурного синтаксиса : Пер. с фр. / Редкол.: Г. В. Степанов (пред.) и др.; Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака.— М., 1988.— 656 с.

³² Теньер Л. Ук. соч.— С. 117.

нений. Вот что говорит сам А. А. Дмитриевский: «Не два главных члена в предложении, а только один. Сказуемое есть неограниченный властелин, царь предложения: если есть в предложении кроме него другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение; если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение. Иначе сказать: и само предложение есть не что иное, как сказуемое, или одно, или с приданными ему другими членами»³³.

По мнению А. А. Дмитриевского, это утверждение имплицитно высказал уже А. А. Потебня: «...хотя г. Потебня и не назвал прямо подлежащее второстепенным членом, все-таки *minimum* предложения он признает в одном сказуемом, а не в сказуемом и подлежащем»³⁴. Аргументацию этого утверждения А. А. Дмитриевский находит в том, что роль подлежащего при одних сказуемых аналогична роли дополнений при других: «...как для одного сказуемого ближайшее — подлежащее, так для другого ближайшее — какое-либо из дополнений и столь же важно для него, как подлежащее для первого. Значит, подлежащее играет столь же второстепенную роль в предложении, как и дополнение»³⁵. В подтверждение высказанной мысли А. А. Дмитриевский сопоставляет такие примеры, как *свищет соловей, ветер, не слышно песен на лугах, жаль мне, его бранят, запахло дегтем, о пустяках не говорят*. Еще один аргумент А. А. Дмитриевского заключается в обратимости подлежащего и дополнения, т. е. в том, что эти члены предложения в ряде случаев могут меняться местами. Имеются в виду примеры типа *Мне жаль ↔ Я жалею* и т. п. А. А. Дмитриевский не строит иллюзий относительно того, что эта его мысль найдет последователей. Он пишет: «Я уверен даже, что и многие педагоги, и, может быть, долго, будут чтить подлежащее как бога-громовержца, главного и единственного громовержца сказуемого. Ну и благо им!»³⁶. Автор подчеркивает, что многие добросовестные научные заблуждения живут века, приводя в качестве одного из примеров историю открытия вращения земли вокруг солнца и сопоставляя картины мира Птолемея и Коперника.

Заметим, что в этом утверждении А. А. Дмитриевский справедливо говорит, что А. А. Потебне первому, а не ему принадлежит идея о ведущей роли в структуре предложения финитного глагола в позиции сказуемого, а он сам только взял ее на вооружение. А. А. Дмитриевский ошибся в другом. Эта идея, хотя, может быть, и не сразу, была признана интересной и плодотворной.

Второе утверждение А. А. Дмитриевского состоит в том, что хотя подлежащее и является одним из дополнений, оно вместе с тем является главным дополнением: «...в ряду дополнений подлежащее — главное дополнение, по сравнению со сказуемым, оно второстепенный член предложения»³⁷; «...из всех дополнений самое ближайшее и непосредственно примыкающее к сказуемому есть подлежащее»³⁸. В этом утверждении, по существу, высказывается мысль об иерархической организации формально однородных и непосредственно зависящих от сказуемого второстепенных членов предложения.

³³ Дмитриевский А. А. Ук. соч.— 1877.— Вып. 4.— С. 22–23.

³⁴ Там же.— С. 37.

³⁵ Там же.— С. 30.

³⁶ Дмитриевский А. А. Еще несколько слов о второстепенности подлежащего // Филол. зап.— 1878.— Вып. 6.— С. 27.

³⁷ Там же.— С. 17–18.

³⁸ Дмитриевский А. А. Практические заметки о русском синтаксисе // Там же.— 1878.— Вып. 2.— С. 68–69.

Третье утверждение заключается в том, что определение в отличие от дополнения и обстоятельства входит в состав того члена предложения, к которому относится, «составляя с ним как бы одно целое. Определение стоит в предложении не особняком»³⁹. Если в рамках логического членения предложения все второстепенные члены предложения рассматривались как части логических подлежащего и сказуемого, то теперь А. А. Дмитриевский уже в рамках грамматического членения подчеркивает неоднородность второстепенных членов предложения и фактически лишает определение статуса самостоятельного члена предложения.

Идея вербоцентрического строения предложения почти спустя столетие была переоткрыта уже упомянутым Л. Теньером, французским теоретиком и славистом, и получила широкое распространение после посмертной публикации его «Структурного синтаксиса», где и была сформулирована вербоцентрическая концепция предложения. Очень упрощая реальное положение вещей, можно утверждать, что ее суть составляют следующие постулаты: 1. В глагольном предложении абсолютно независимым словом является финитный глагол, который представляет собой ядро предложения. 2. От финитного глагола в равной степени зависят актанты (субъект, прямой и косвенный объекты) и сирконстанты (обстоятельства). Однако если актанты являются обязательными элементами, то сирконстанты — свободные распространители. 3. Синтаксические связи между элементами предложения при анализе изображаются с помощью графических схем, которые называются стеммами.

Надо сказать, что Л. Теньер трижды побывал в Советском Союзе в 1926, 1929 и 1936 годах, где серьезно знакомился с научной и учебной литературой по русскому языкознанию. Мы не знаем, читал ли Л. Теньер работы А. А. Потемни и А. А. Дмитриевского, которые существовали тогда только в дореволюционных изданиях, но безусловно можем говорить о сходстве идей Л. Теньера и этих авторов. Также мы можем говорить о несомненном сходстве схем Л. Теньера со схемами, которые использовались в учебниках по русскому языку того времени. Впервые в русистике схемы при анализе структуры предложения применил еще в конце XIX в. В. П. Сланский, который так сформулировал свою мысль: «Мы считаем не лишним пользоваться, между прочим, *чертежным способом* (курсив наш. — В. Х.) выяснения дела»⁴⁰. Затем схемы стал использовать А. М. Пешковский, после чего они стали обязательным атрибутом школьных учебников. Иными словами, можно с уверенностью говорить о влиянии идей русской грамматики на формирование вербоцентрической концепции Л. Теньера.

В настоящее время вербоцентрическую концепцию предложения, в соответствии с которой глагольная конструкция представляет собой результат реализации валентностного потенциала образующего ее глагола, можно характеризовать как вполне традиционную. Считается, что глагол в одной из своих финитных форм вместе с теми актантами, которые входят в обязательную актантную рамку — таких актантов обычно не больше двух, — образует (ядерную) синтаксическую конструкцию (*Я упал, Я отправил посылку, Я открыл дверь*). В такую конструкцию могут быть дополнительно включены и все остальные синтаксические актанты, если они есть (*Я отправил посылку Пете*). Любая конструкция, включающая глагол вместе со всеми его актантами, служит базой для минимального полноценного высказывания, в котором реализуются коммуникативные намерения говорящего.

³⁹ Там же. — 1878. — Вып. 4. — С. 86.

⁴⁰ Сланский В. Грамматика — как она есть и как она должна быть. — СПб., 1886. — С. 23.

Важно подчеркнуть, что в такой конструкции ее элементы семантически и синтаксически неравноправны. Центральным элементом конструкции является глагол, который на правах «хозяина» управляет «своими слугами» — синтаксическими актантами⁴¹. Удаление глагола из конструкции приводит к ее ликвидации, поскольку актанты синтаксически не связаны друг с другом, тогда как отсутствие отдельных актантов в конструкции является либо нормой (как например, отсутствие первого синтаксического актанта в императивной конструкции типа *Сиди тихо!*), либо допустимо, если актант является факультативным (ср. *Я отправил посылку Пете* → *Я отправил посылку*). Заметим также, что отсутствие актантов иногда наблюдается в случае закономерного эллипсиса (например, в вопросно-ответном единстве типа *Ты идешь гулять?* — *Иду*). Добавим, что в случае закономерного эллипсиса, детерминируемого контекстом, возможно и отсутствие глагола (например, в вопросно-ответном единстве типа *Ты куда идешь?* — *В кино*).

Следует обратить внимание на то, что одну и ту же конструкцию образуют семантически однородные глаголы, т. е. те глаголы, чьи лексемы имеют общий (родовой) компонент значения. Скажем, один ряд таких семантически однородных глаголов образуют глаголы *дать, передать, вручить, послать*. Условно эти глаголы можно назвать глаголами со значением передачи. Актантная структура этих глаголов имеет следующий вид: агенс (*кто передает*), пациенс (*что передает*), контрагент (*кому передает*). В соответствии с лексикографической диаграммой, которая отражает иерархию участников в толковании И. А. Мельчука⁴², в конструкции, образуемой этими глаголами, имя, обозначающее агенса, оформлено именительным падежом и занимает позицию подлежащего, имя, обозначающее пациенс, оформлено винительным падежом и занимает позицию прямого дополнения, а имя, обозначающее контрагента, оформлено дательным падежом и занимает позицию косвенного дополнения (*Профессор дал / передал / вручил / послал студенту книгу*)⁴³.

Обратим внимание на то, что в основе вербоцентрического подхода лежит общенаучный принцип композиционности или композициональности, который в лингвистике называют еще принципом Фреге. Суть этого принципа состоит в том, что хотя каждый сложный элемент в общем случае это не простая аддитивная сумма составляющих его простых элементов, все же свойства более крупных языковых единиц (в частности, синтаксических конструкций) выводимы по определенным законам из свойств этих более элементарных компонентов. Принцип композиционности в лингвистике понимается как установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, граммем, линейно-акцентной структуры и других значимых единиц языка в составе конструкции, являющейся коммуникативной единицей.

В принципе вербоцентрическая концепция оказалась полезным инструментом для описания неидиоматизированных конструкций, в которые, кроме глаго-

⁴¹ Холодович А. А. К вопросу о доминанте предложения // R. Jakobson and Sh. Kawamoto (eds). *Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shiro Hattori on the Occasion of his Sixtieth Birthday.*— Tokyo, 1970.— P. 318–324; Холодович А. А. К вопросу о доминанте предложения // *Проблемы грамматической теории.*— Ленинград, 1979.— С. 293–298.

⁴² Мельчук И. А. Определение категории залогов и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе.— М., 2004.— С. 286–314.

⁴³ Семантически однородные глаголы представляют собой определенный подкласс одного из классов верхнего уровня в рамках фундаментальной классификации предикатов Ю. Д. Апресяна (см.: *Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография.*— М., 2006.— С. 33–109).

ла, входят только его актанты. Однако в таких конструкциях наряду с актантами могут быть и сирконстанты, которые в соответствии с исходной версией вербоцентрической концепции могут свободно входить в любую глагольную конструкцию, но могут в ней отсутствовать. Считалось, что сирконстанты никак не связаны с семантикой глаголов и соответственно не должно быть семантических правил, регулирующих синтаксическое употребление / неупотребление сирконстантов в конструкции, т. е. их количество, качественный состав, дублирование и т. п. Эти представления на проверку оказались иллюзорными⁴⁴. Выяснилось, что в актантную глагольную конструкцию могут входить только те сирконстанты, семантика которых не вступает в конфликт с семантикой всех элементов этой конструкции, в том числе со значениями содержательных грамматических категорий глагола и имен в актантных позициях. Остановимся на этой проблеме более подробно.

Прежде всего обратим внимание на тривиальные случаи смысловой сочетаемости отдельных сирконстантов с определенными видовыми и временными формами глагола, которые в силу своей тривиальности специально не рассматривались с точки зрения семантических ограничений на введение в глагольную конструкцию тех или иных сирконстантов. Например, сирконстанты длительности (типа *долго*, *пять минут*) могут вводиться только в конструкцию, в которой употреблен глагол несовершенного вида (далее — НСВ) (*Петя пил чай долго / пять минут*) или же делимитативный или пердуративный глагол совершенного вида (далее — СВ) (*Петя посидел / просидел на скамейке 15 минут*). Добавим к сказанному, что в отличие от сирконстантов длительности сирконстанты временного периода могут вводиться в конструкцию, где употреблен как глагол НСВ, так и глагол совершенного вида (далее — СВ), однако конкретный временной период должен соответствовать значению временной формы глагола (*Петя строил / построил дом в прошлом году; Петя будет строить / построит дом в будущем году*).

На то обстоятельство, что семантика сирконстантов не должна конфликтовать с семантикой глагольных лексем, впервые было указано в работе В. А. Плуногьяна и Е. В. Рахилиной⁴⁵. Авторы этой статьи показали, что есть сирконстанты, которые сочетаются с глаголами, обозначающими т. н. конкретные ситуации (типа *бежать*, *резать*), и не сочетаются с глаголами, обозначающими т. н. неконкретные ситуации (типа *портить*, *мстить*). Ср.: *бежал с факелом [в руках]*, *резал с кувшином [на голове]*, но **испортил с кувшином [на голове]*, **мстил с портфелем [в руках]*.

Возможность употребления в конструкции отдельных сирконстантов может зависеть не от глагола, а от семантической специфики отдельных актантов, в частности от значения категории числа имени, выступающего в позиции актанта. Рассмотрим в связи с этим следующую пару примеров: *Петров купил марку новой серии / Петров купил марки новой серии*. В первом примере имя пациенса в позиции второго актанта выступает в ед. ч., благодаря чему в предложении выражается простая ситуация, которая реализуется как одномоментное событие.

⁴⁴ Богуславский И. М. Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* (к 60-летию Ю. Д. Апресяна). — Białystok, 1990. — S. 137–148; Филиппенко М. В. Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия // *Семиотика и информатика*. — М., 1998. — № 36. — С. 120–140; Храковский В. С. Понятие сирконстанта и его статус // Там же. — С. 141–153.

⁴⁵ Плуногьян В. А., Рахилина Е. В. Сирконстанты в толковании? // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. — S. 201–210.

Во втором примере имя пациенса в позиции второго актанта выступает во мн. числе, обозначая тем самым раздельное множество, состоящее из отдельных марок. Это обстоятельство допускает еще одну интерпретацию, позволяющую ввести в этот пример сирконстант *постепенно*, который, как и многие другие сирконстанты, является одноместным предикатом, чью валентность заполняет та конструкция, в которую он вводится.

В соответствии со второй интерпретацией конструкция, в состав которой входит сирконстант, обозначает сложную ситуацию, состоящую из простых одномоментных ситуаций, «которые упорядочиваются во времени так, что каждая следующая наступает вслед за предыдущей через более или менее равные друг другу временные отрезки. М. Я. Гловинская справедливо добавляет к сказанному, что “говорящий оценивает эти промежутки как более или менее значительные”»⁴⁶. Я не убежден, что оценка временных отрезков, даваемая Ю. Д. Апресяном и М. Я. Гловинской, является полностью адекватной, поскольку с ней, по моему мнению, не согласуются примеры типа *В течение дня бойцы нашей роты постепенно вышли из окружения*. Но это не главное. А главное то, что конструкция с глаголом СВ, в которой есть сирконстант *постепенно*, имеет другой семантический статус. В ней облигаторно выражается акциональное дистрибутивное значение, тогда как в конструкции без этого сирконстанта данное значение представляет собой одну из двух возможных интерпретаций.

Формально необязательные сирконстанты во многих случаях играют определяющую роль при акциональной интерпретации конструкции. Скажем, акциональная интерпретация конструкции с формой НСВ в примерах *Я сейчас читаю книгу; Я каждый день читаю книгу; Ты когда-нибудь читал книгу при лунном свете?* определяется сирконстантами. В первом примере сирконстант *сейчас* «проявляет» или, если угодно, маркирует актуально-длительное значение НСВ. Во втором примере сирконстант *каждый день* маркирует хабитуальное значение НСВ. В третьем примере сирконстант *когда-нибудь* (как и вопросительная интерпретация примера) маркирует общефактическое значение НСВ. Таким образом, при принципиально стандартной синтаксической необязательности сирконстантов они в то же время — при их наличии в предложении — служат маркерами (иногда обязательными) ряда акциональных интерпретаций конструкции.

Интересны случаи, когда допустимое введение в актантную глагольную конструкцию определенных сирконстантов влечет за собой включение в описываемую ситуацию фигуры наблюдателя. Обратимся в этой связи к анализу примера *Иван поднял этот большой чемодан*. В рамках вербоцентрического подхода в этом примере с глаголом действия СВ представлена простая ситуация, которая реализовалась как одномоментное событие. В эту актантную конструкцию свободно могут быть введены антонимичные сирконстанты *с трудом* и *без труда*: *Иван без труда / с трудом поднял этот большой чемодан*. Эти сирконстанты являются двухместными предикатами: одну их валентность заполняет конструкция, в которую они входят, а другую — наблюдатель-оценщик. Таким образом, эти сирконстанты указывают на ту оценку, которую некий наблюдатель (обычно это говорящий) ретроспективно дает способу осуществления результативного действия: агенс, выполняя данное действие, либо не затрачивает заметных физических усилий (*без труда*), либо, напротив, выполняет его на пределе своих физических возможностей (*с трудом*).

⁴⁶ Апресян Ю. Д. Ук. соч. — С. 120.

Иными словами (что важно подчеркнуть) эти характеристики действия агенса не контролируются, возникают независимо от его воли и, очевидно, никак не предусмотрены толкованием глагола *поднять*. Пойдем дальше: изменим модальную перспективу исходного примера, т. е. превратим индикативную конструкцию с глаголом СВ в соотносительную императивную конструкцию: *Подними этот большой чемодан!* Изменение модальной перспективы приводит, на первый взгляд, к обескураживающему результату. Хотя в императивной конструкции используется тот же самый глагол СВ, в этой конструкции возникает семантический запрет на употребление сирконстантов, которые без ограничений могли входить в состав исходной индикативной конструкции: *Подними *без труда / *с трудом этот большой чемодан!* Причины такого запрета как будто бы довольно очевидны. Эти сирконстанты обозначают такие характеристики действия, которые не контролируются ни говорящим, ни слушающим и не зависят от них. К тому же в императивной конструкции говорящий каузирует выполнение будущего действия, однако в этой конструкции ни в кадре, ни за кадром нет фигуры наблюдателя, способного оценить, с трудом или без труда исполнитель будет поднимать чемодан. Сказанное требует одной оговорки. Высказывание *Подними без труда / с трудом этот большой чемодан!* вполне уместно и нормативно в реплике режиссера, обращенной к актеру, где эти сирконстанты получают контролируемое прочтение и где речь идет об имитации действия, а в роли оценщика того, насколько удачно актеру удалась имитация, выступают зрители, которые в принципе не должны догадываться о том, что они оценивают не действие, а его имитацию.

Некоторые сирконстанты с определенным значением могут отключать временной план, выражаемый словоформой вершинного глагола, или, пользуясь другой терминологией, нейтрализовать значение граммы определенной грамматической категории. Рассмотрим в этой связи пример *Я никак не всуну иголку в иголку*. В этом примере употреблена форма будущего времени глагола СВ. При отсутствии сирконстанта *никак* в конструкции эта форма, как ей и положено, относит выражаемое действие к будущему: *Я не всуну иголку в иголку*. Смысл этой конструкции с учетом входящего в ее состав отрицания состоит в том, что называемое действие в будущем не будет иметь места. Однако при наличии в конструкции сирконстанта *никак* акциональная характеристика действия принципиально меняется, и конструкция получает следующую интерпретацию: говорящий (он же в данном случае наблюдатель) в период времени, предшествующий моменту речи, совершает неоднократные неудачные (в силу неясных причин) попытки осуществить (моментальное) действие, называемое глагольной лексемой.

Теперь перейдем к рассмотрению примеров, где сирконстанты определенной семантики превращают контролируемое действие, выражаемое императивной формой глагола, в неконтролируемое, которое в принципе не должно совершаться, и при этом являются, несмотря на то, что они сирконстанты, обязательными элементами, определяющими семантическую правильность конструкции. Предварительно сравним следующую пару грамматически и семантически вполне правильных примеров: *Не ломай стул!* / *Не сломай стул!* В первом из них представлена т. н. прохибитивная конструкция, в которой говорящий запрещает слушающему совершать действие, выражаемое императивной глагольной формой НСВ. Во втором из них представлена т. н. превентивная конструкция, в которой употребляются глаголы СВ, а прескрипция в данном случае

каузирует исполнителя некоторого агентивного действия поступать таким образом, чтобы случайно не совершить неконтролируемое действие, называемое императивной формой глагола СВ. Иными словами, фраза *Не сломай стул* уместна тогда, когда говорящий видит, что слушающий, который выполняет определенное конкретное действие, например несет по комнате громоздкий предмет, может случайно задеть этим предметом стул и сломать его.

Теперь рассмотрим еще две соотносительные пары аналогичных примеров: *Не звони брату!* / **Не позвони брату!*; *Не дари Ивану эту книгу!* / **Не подари Ивану эту книгу!* Здесь мы наблюдаем уже иную ситуацию: прохибитивные конструкции вполне нормативны, а превентивные, хотя они и правильны грамматически, являются неупотребительными. Почему это происходит? Очевидно, потому, что императивные формы СВ называют действия, которые в такой степени агентивны и контролируемы, что их трудно совершить случайно при выполнении другого агентивного и контролируемого действия.

Исходя из этого вполне справедливого предположения, Т. В. Булыгина в свое время подчеркнула, что в превентивной конструкции «употребление формы совершенного вида от агентивных глаголов невозможно даже по отношению к конкретному одноактному действию»⁴⁷. Однако в действительности такое употребление все же возможно. Агентивные глаголы СВ могут употребляться в превентивной конструкции при наличии сильного контекста, снимающего, нейтрализующего контролируемость. В роли такого контекста выступают сирконстанты, эксплицитно указывающие на неконтролируемость действия, обозначаемого императивной формой глагола СВ. С учетом сказанного вполне нормативными являются примеры: *Пока меня не будет дома, ты случайно брату не позвони!*; *Ты по ошибке не подари Ивану эту книгу!* Таким образом, сирконстанты типа *случайно*, *по ошибке* превращают контролируемое действие в неконтролируемое и тем самым предопределяют возможность употребления императивной формы «агентивного» глагола в превентивной конструкции, в которой подобные сирконстанты являются, если можно так сказать, «конструктообразующими» элементами в том смысле, что детерминируют неконтролируемость действия, называемого глаголом, а тем самым и семантическую правильность конструкции в целом.

Если обобщить все приведенные примеры, то прежде всего нужно сказать, что в принципе в актантную глагольную конструкцию могут включаться не любые сирконстанты, а только те, которые согласуются по смыслу со всеми элементами этой конструкции. Далее следует обратить внимание на то, что определенные сирконстанты при включении в конструкцию не просто добавляют в нее свое собственное значение, но могут вытеснить глагол с позиции вершинного предиката, кроме того, могут модифицировать толкование глагола, его акциональное и темпоральное значение, свойство контролируемости, а также вводить в выражаемую ситуацию фигуру наблюдателя. Фактически сирконстанты являются теми элементами, которые в той или иной степени отвечают за семантическую интерпретацию всей конструкции в целом, а в отдельных случаях даже являются теми элементами, которые определяют возможность существования самой конструкции. Иначе говоря, надо признать, что по своему смысловому статусу сирконстанты играют в конструкции очень важную, а иногда и определяющую роль.

⁴⁷ Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. — М., 1982. — С. 7–85.

Высоко оценивая вербоцентрический подход, мы должны справедливости ради добавить, что в рамках этого подхода в соответствии с его теоретическими установками не вполне учитывается вполне допустимое теоретически и реально представленное обратное влияние элементов конструкции, и в особенности сирконстантов, как на глагольную лексику и ее толкование, так и на интерпретацию самой конструкции в целом. Все эти недочеты вербоцентрической концепции, казалось бы, может преодолеть появившаяся в конце XX в. теоретическая концепция, которая получила название «грамматика конструкций» и которая позиционирует себя как наиболее адекватный инструмент для синтаксического анализа глагольных конструкций⁴⁸.

Переходя к анализу теории грамматики конструкций, надо сказать, что в ее основе, если угодно, лежит принцип антикомпозиционности. Здесь внимание заостряется на том, что целостные многокомпонентные единицы («конструкции») могут обладать свойствами, которые не выводятся из свойств составляющих элементов. Такой подход, с нашей точки зрения, вряд ли подходит для анализа стандартных неидиоматизированных актантных и актантно-сирконстантных конструкций, элементы которых связаны иерархическими отношениями, а отсутствие глагола (за исключением случаев закономерного эллипсиса) приводит к ликвидации конструкции. Вместе с тем такой подход удобен для анализа нестандартных идиоматизированных конструкций, которые практически не рассматривались в рамках вербоцентрической концепции.

Хороший пример такого анализа представлен в работе, где рассматривается нестандартная идиоматизированная конструкция типа: *тушат-тушат — не потушат*⁴⁹. Эта конструкция состоит из двух глагольных частей, тогда как стандартная конструкция, образуемая глаголом и его актантами, никогда не состоит из двух частей. Обязательными элементами первой части являются две одинаковые личные глагольные словоформы, что исключается в стандартной конструкции. Наличие актантов возможно, но не обязательно, и чаще некоторые или все актанты отсутствуют. Обязательным элементом второй части является одиночный глагол, при котором, как и в первой части, актанты могут быть, а могут и не быть. У первой части этой конструкции особое просодическое оформление — две глагольные словоформы составляют одно фонетическое слово, которое произносится с особой интонацией, при этом основное ударение падает на первую словоформу. Такая конструкция «выражает сложный идиоматический (выделено нами. — В. Х.) смысл, который сводится к противоречию между неоднократными попытками совершения [контролируемого] действия в прошлом (или неоднократным возобновлением [неконтролируемого] процесса) и наступившей после этого ситуацией, прямо или косвенно сводящей эти попытки на нет»⁵⁰.

В рамках грамматики конструкций важную роль играет понятие семантического шаблона ситуации, выражаемой в конструкции. Этот шаблон прежде всего по своим акциональным характеристикам ориентирован на определенный семантический класс предикатов, и в силу этого ему соответствует ситуация, называемая вершинным глаголом конструкции, если он относится к этому классу

⁴⁸ Fillmore Ch. J., Kay P. Construction grammar course book. — Berkeley, 1992.; Goldberg A. A. Construction grammar approach to argument structure. — Chicago, 1995. — 271 p.

⁴⁹ Плузьян В. А., Рахилина Е. В. *Тушат-тушат — не потушат*: грамматика одной глагольной конструкции // Е. В. Рахилина (ред). Лингвистика конструкций. — М., 2010. — С. 83–94.

⁵⁰ Там же. — С. 94.

предикатов. Если же глагол относится к другому классу предикатов, то соответствие между семантическим шаблоном конструкции и ситуацией, называемой глаголом, нарушается.

В таких случаях интерпретация конструкции осуществляется с опорой на акциональные характеристики шаблона, которые ситуация приобретает в конструкции, адаптируясь к этому семантическому шаблону. В рамках такого подхода вершинный глагол не сам по себе порождает конструкцию, а, если угодно, *задается* семантическим шаблоном конструкции, который таким образом является ее первоэлементом. Теперь нам остается рассмотреть примеры, демонстрирующие законность этого основного постулата грамматики конструкций. В соответствии с ним семантический шаблон конструкции настроен на определенный тип или класс предикатов, а конкретный глагол как бы встраивается в готовый шаблон, который может даже перестроить семантику глагола, если она не соответствует семантике шаблона⁵¹.

Наиболее типичный случай такого рода — это употребление глагола в не своем актантном окружении, иначе говоря, встраивание глагола в шаблон чужой конструкции, что приводит к соответствующему изменению значения глагола. Такое употребление глагола принято называть окказиональным. Существует авторитетное мнение, в соответствии с которым именно в этом случае «теория грамматики конструкций демонстрирует явные преимущества перед традиционным глаголоцентричным описанием»⁵². Для аргументации этого утверждения было рассмотрено употребление русского непереходного глагола *гулять* в переходном каузативном значении *гулять собаку* и сказано, что примеры такого употребления «хорошо засвидетельствованы и понятны любому носителю русского языка»⁵³. Действительно, подобные примеры понятны в силу семантического согласования глагола и имени, но из этого не следует, что они правильны. Правильными и в принципе синонимичными примеру *гулять собаку* могут быть и пример *выгуливать собаку* (каузативный глагол), и пример *гулять с собакой* (стандартное употребление глагола *гулять*). А о правильности примеров типа *гулять собаку* мы сможем судить лишь после того как они перестают быть редкими и случайными и становятся хорошо засвидетельствованными. А о примере *гулять собаку* этого пока сказать нельзя. Во всяком случае употреблений глагола *гулять* с прямым дополнением *собаку* в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) не обнаружено и, следовательно, о хорошей засвидетельствованности именно этого примера говорить преждевременно.

Излагая идеи А. Голдберг, Е. В. Рахилина в уже довольно давно опубликованной работе рассматривает предложение *Дилижанс ехал через деревню*, которое представляет «нетранзитивную конструкцию перемещения». По ее мнению, на место глагола в этом примере можно подставить глагол другой семантической группы, так называемой донорской зоны, «лишь бы этот глагол сохранял идею неопределенного процесса». В качестве примера Е. В. Рахилина приводит

⁵¹ Заметим, что ту же мысль, правда, в иной терминологии, много раньше высказал Ю. Д. Апресян: «... в языке существуют группы слов, помещение которых в несвойственный им синтаксический контекст может окказионально изменять их значение». И далее: «...некоторые глаголы в просторечии могут приобретать определенное значение, будучи помещены в синтаксический контекст, типичный для этого значения» (см.: Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. — М., 1967. — С. 29).

⁵² Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Е. В. Рахилина (ред). — М., 2010. — С. 31.

⁵³ Там же. — С. 32.

следующий ряд: *Дилижанс пилил / чесал / молотил через деревню*⁵⁴. Заметим, однако, что глаголы, приведенные в этом ряду, т. е. глаголы одного профиля, обладают разными потенциями замены глагола *ехать* в этой конструкции.

Самая простая ситуация с глаголом *пилить*. В его толкование входит компонент движения, причем движения достаточно длительного и монотонного. Эти особенности и сохраняются при употреблении этого глагола в рассматриваемой конструкции:

(1) «А когда от морского вокзала автобус пилил еще целый час до гарнизона с дивным названием “Лесная речка”, то впечатления были те еще!» («За рулем», 2004, 15 апр.).

В рассматриваемой конструкции может употребляться и глагол *чесать*, который в Малом академическом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой (далее — МАС) толкуется следующим образом: ‘Скрести, тереть для облегчения зуда’. Достаточно очевидно, что и в данном случае движение (скорее всего быстрое и энергичное) является важным компонентом ситуации чесания. Этим и объясняется возможность его употребления в рассматриваемой конструкции:

(2) «Аа, еще забыл сказать, сёдня как всегда чесал по объездной и увидел чудный столб за мостом на Пригородный» (<http://forum/gatchina.ru>).

Однако, как отмечено в МАСе, этот глагол наряду со своим собственным значением «употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т. п. (с сохранением управления этого глагола)». Эту особенность глагол *чесать* сохраняет и в приведенном нами примере. В МАСе приводятся следующие примеры употребления этого глагола в других конструкциях:

(3) «[Мельник] читал на клиросе так громко да так быстро, что и привычные люди удивлялись. — Вот как чешет вражий сын» (В. Г. Короленко).

(4) «[Дед Наум] сунул в сугроб палку, да как начал трепака чесать» (В. Я. Шишков).

(5) «Враг увидел батарею и начал чесать прямо по ней» (А. Н. Степанов).

Иными словами, у этого глагола очень широкие и реализуемые потенции употребляться в разных конструкциях⁵⁵. А вот подходящих примеров употребления глагола *молотить* вместо глагола *ехать* нам пока найти не удалось и в Национальном корпусе русского языка.

Сходная ситуация складывается и с глаголами звучания, которые, по мысли Е. В. Рахилиной, могут заменять глагол *ехать*. Вполне понятно, почему глаголы звучания могут переносно употребляться вместо глаголов движения: в принципе бесшумное движение — явление исключительное. Вместе с тем в ряду глаголов звучания, который приводит Е. В. Рахилина: *Дилижанс ухал / хлопал / скрипел / улюлюкал*, по нашим данным, не все глаголы могут заменять глагол *ехать*. Такая возможность есть у глаголов *хлопать* и *скрипеть*, обозначающих звуки, которые по своей природе могут сопровождать движение:

(6) «На набережной по снегу и грязи хлопали прохожие» (А. Н. Толстой).

⁵⁴ Рахилина Е. В. Когнитивная семантика // Семиотика и информатика.— М., 1998.— № 36.— С. 316.

⁵⁵ На эту особенность глагола *чесать* обратил внимание Ю. Д. Апресян в уже упомянутой работе, где он включил этот глагол в список глаголов, каждый из которых «в соответствующем синтаксическом контексте может приобретать одно из следующих четырех значений: 1) значение типа “бить”, “ударять”, <(5)>; 2) значение типа “идти”, “бежать”, <(2)>; 3) значение типа “говорить”, “писать”, <(3)>; 4) значение типа “играть”, “плясать”, <(4)>» (см.: Апресян Ю. Д. Ук. соч. — С. 29).

(7) «А к следующей клетушке скрипел протезом по коридору Саша Парфенов» (К. Ваншенкин).

А вот примеров с глаголами *ухать* и *улюлюкать* нам и в Корпусе не удалось найти, видимо, потому, что эти звуки по своей природе не ассоциируются с движением.

Таким образом, утверждение о том, что вместо глагола *ехать* можно употребить любой глагол, который «сохраняет идею непредельного процесса», является слишком сильным. Реально при замене учитываются более тонкие семантические факторы.

В целом же, если отбросить крайние точки зрения и вернуться к сопоставлению обоих подходов, то есть основания считать, что они представляют собой две модели, которые дополняют друг друга при анализе конструкций. С помощью вербоцентрического подхода мы познаем закономерности формирования стандартной неидиоматизированной конструкции из порождающего ее исходного финитного глагола, а с помощью конструкционного подхода мы познаем устройство нестандартной идиоматизированной конструкции и в какой-то мере приближаемся к установлению правил введения в существующую конструкцию глаголов из так называемой донорской зоны.

Подводя итоги, можем отметить: гениальное прозрение А. А. Потевни о том, что глагол является первоэлементом конструкции предложения, сделанное в конце второй половины XIX века, послужило отправным пунктом для формулирования вербоцентрической концепции предложения, ставшей основным инструментом синтаксического анализа конструкции предложения в XX в. и сохраняющей свою валидность и в XXI в. Вместе с тем эта концепция в конце XX в. была дополнена грамматикой конструкций. Необходимость двух дополняющих друг друга моделей синтаксического анализа конструкции предложения объясняется просто. Синтаксическая структура конструкции устроена достаточно сложно и необходимая степень адекватности ее представления может быть достигнута только с помощью двух ограниченных, но в то же время дополняющих друг друга моделей. Как мы помним, впервые идею о необходимости дополняющих друг друга моделей при анализе микромира высказал гениальный датский физик Нильс Бор. Эта идея стала известной в науке как принцип дополнительности Нильса Бора⁵⁶.

(Санкт-Петербург, Россия)

V. S. KHRAKOVSKIY

O. POTEVNI'S IDEAS IN THE CONTEMPORARY LINGUISTICS (verbo-centric concept of the sentence)

The paper considers O. Potevni's (pioneering for his time) idea that the Verb is the central component of the Sentence subordinating all other sentence components. This idea underlies the modern Verbo-centric Conception of the Sentence, also addressed in the paper. Finally, the paper proposes a comparative analysis of the Verbo-centric Conception and the (complementary) conception of the so-called Construction Grammar.

Keywords: verb, sentence, grammar, argument, circumstant.

⁵⁶ При подготовке этой публикации использованы наши работы: Храковский В. С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века // Грамматические концепции в языкознании XIX века.— Ленинград, 1985.— С. 124–180; Храковский В. С. Вербоцентрический подход к конструкциям и / или грамматика конструкций // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука / Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Ваннер, Л. Л. Йомдин, Я. Миличевич, М.-К. Л'Омм, А. Польгер (ред.).— М., 2012.— С. 288–300.